

ЛОГИКА НАМЕРЕНИЙ И ЛОГИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ДЕЙСТВИЯХ ГЕТМАНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

© 2018 М. В. Жеребкин

*докт. полит. наук, профессор кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
e-mail: m.zherebkin@mail.ru*

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта)*

Настоящая статья представляет собой попытку автора переосмыслить личность Богдана Хмельницкого и причины, по которым он возглавил национально-освободительное движение в Малороссии в середине XVII в. против польского национального и религиозного гнета. Исторические факты свидетельствуют, что украинский гетман не был выразителем идеи воссоединения братских народов, что лидером массового протеста его сделали обстоятельства, которые оказались сильнее его намерений и привели в итоге к Переяславской раде.

Ключевые слова: Богдан Хмельницкий, казаки, национально-освободительное движение, Малороссия, Речь Посполитая, Переяславская рада.

В современном общественно-политическом дискурсе одной из наиболее болевых точек времени являются отношения России и Украины, русского и украинского народов. Украина после развала СССР и объявления в 1991 году независимости приступила к строительству своего суверенного государства. У этого процесса была одна определяющая особенность: новое государство создавалось на русофобской идеологии, на принципах антирусскости. Россия же в ответ все эти годы продолжала утверждать: украинцы и русские — один народ, единство которого периодически разрывалось под воздействием разных исторических обстоятельств, но затем опять наступали времена совместного проживания народов-братьев в одной семье.

Целью настоящей статьи видится попытка осмыслить логику намерений и логику обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого и казацкой старшины во времена Переяславской рады, когда украинский народ нашел спасение в присоединении к России.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в небывалом обострении отношений между двумя государствами, которое вызвано тем, что впервые сформированное украинское государство получилось крайне националистическим и антирусским, смыслом существования которого стал разрыв всяких связей с Россией — политических, экономических, культурных.

Прежде чем погрузиться в атмосферу середины XVII в., вспомним кратко судьбу западных и юго-западных древнерусских земель, оказавшихся оторванными от северо-восточных после татаро-монгольского нашествия. Тогда за счет русских земель выросло и окрепло Великое княжество Литовское, в котором преобладали русская территория, русское население и русский язык, православная религия. Но постепенно ситуация начинается меняться. Свообразными рубежами можно назвать Кревскую

унию 1385 г. и Люблинскую унию 1569 г. Два относительно независимых государства — Литва и Польша — сливались в одно государство Речь Посполитая. Ситуацию усугубила Брестская уния 1596 г., по которой часть высших православных иерархов, чтобы не подвергаться гонениям и обеспечить себе лучшее положение в государстве, решились на унию с католичеством.

Православные епископы и все, кто остался верен своей вере, становились в польском государстве еретиками, православная религия вскоре из полноценной превратилась в холопскую, началось преследование верующих, церкви были переданы на откуп евреям, которые все церковные ритуалы обложили поборами. Религиозные, национальные и языковые притеснения православных и русских создавали почву для будущих массовых протестов, стремительно увеличивали протестный потенциал, накопление которого неминуемо вело к социальному взрыву.

Историк В. О. Ключевский так обрисовал ситуацию того времени: «Ляхи и русские, русские и евреи, католики и униаты, униаты и православные, братства и архиереи, шляхта и посполство, посполство и казачество, казачество и мещанство, реестровые казаки и вольная голота, городское казачество и Запорожье, казацкая старшина и казацкая чернь, наконец, казацкий гетман и казацкая старшина — все эти общественные силы, сталкиваясь и путаясь в своих отношениях, попарно враждовали между собой, и все эти парные вражды, еще скрытые или уже вскрывшиеся, переплетаясь, затягивали жизнь Малороссии в такой сложный узел, распутать который не мог ни один государственный ум ни в Варшаве, ни в Киеве. Восстание Б. Хмельницкого было попыткой разрубить этот узел казацкой саблей» [Ключевский 2003: 46–47].

Самое время сказать, кто такой Богдан Хмельницкий, который на протяжении уже нескольких веков воспринимается не иначе как лидер национально-освободительного движения украинского народа против польского гнета. Звучит красиво, потому, наверное, и живуч образ, хотя все на самом деле было значительно сложнее, запутаннее и не так однозначно.

Семейство Хмельницких было небодным, его глава Михаил Хмельницкий занимал достаточно высокую должность подстаросты Чигирина, верой и правдой служил польскому королю, за что получил от него в собственность хутор Суботов. Его сын Богдан учился в иезуитской школе, знал латынь, польский язык, а когда вырос, воевал вместе с отцом в составе польских войск, был казачьим сотником. Но вскоре он вступил в конфликт с представителями казачьей старшины, среди которых был и подстароста Чигирина Чаплинский, и жестоко за это поплатился. Чаплинский совершил набег на его хутор, в ходе которого был до смерти забит малолетний сын Хмельницкого. Кроме того, Чаплинский похитил женщину по имени Елена, с которой, как сейчас сказали бы, гражданским браком жил Богдан, а потом женился на ней. В довершение ко всему у Хмельницкого был конфискован его хутор Суботов. Восстановить справедливость в чигиринском суде ему не удалось, не помог и польский король Владислав. И самое последнее: по возвращении от короля Богдана арестовали.

Что еще нужно было сделать с человеком, чтобы он сам стал бунтовщиком и возглавил бунт? В апреле 1648 г. Сечь выбрала его своим гетманом. Таков путь и таковы причины, которые сделали Богдана Хмельницкого лидером социального, национального и религиозного протеста. Теперь посмотрим на его дела уже в этом новом качестве.

Восхождение Богдана Хмельницкого от вождя запорожских казаков до лидера всех протестных сил на Украине было стремительным. Хмельницкий со своим войском выступил из Сечи весной 1648 г. Основное сражение произошло 5 мая у Желтых вод, где восставшие в трехдневной битве полностью разгромили сухопутную польскую

армию, которую возглавлял сын коронного гетмана Потоцкого Стефан. Менее чем через 10 дней войско Хмельницкого у Корсуня разгромило отряды коронного гетмана, а сам Николай Потоцкий попал в плен и был отправлен крымскому хану как плата за татарскую помощь.

С этих двух побед — у Желтых вод и у Корсуня — началась слава Богдана. «После Корсунской победы Хмельницкий подошел к Белой Церкви, расположился там обозом и разослал 60 универсалов с призывом к восстанию; вся Украина взволновалась; поднялись крестьяне, пошли в козаки и стали свирепствовать против шляхты, жидов и католического духовенства» [Соловьев 2001: 699]. Для Польши наступили по-настоящему трудные времена. Мало того, что государство фактически лишилось армии, так и еще умер государь — король Владислав.

Эти два обстоятельства — победы Хмельницкого и смерть короля — произвели очень сильное воздействие на народные массы, всеобщее возбуждение достигло небывалых пределов. «Как только разошлась весть о победе над польским войском, во всех пределах русской земли, находившейся под властью Польши, даже и в Белоруссии, более свывкшейся с порабощением, чем южная Русь, вспыхнуло восстание. Холопы собирались в шайки, называемые тогда загонами, нападали на панские усадьбы, разоряли их, убивали владельцев и их дозорцев, истребляли католических духовных; доставалось и униатам, и всякому, кто только был подозреваем в расположении к полякам» [Костомаров 1994: 24].

Массовое недовольство подпитывало армию Хмельницкого, собственно, вся Украина чувствовала себя воином, вышедшим против ненавистных поляков. Было еще одно сражение в сентябре, о котором мало говорят, правда, может, потому, что и сражением его назвать трудно, — скорее было паническое бегство польской армии от речки Пилявки, где Хмельницкому достались 120 тысяч возов с лошадьми, знамена, посуда из серебра, собольи шубы, драгоценности, вина... Так польская армия снарядилась против восставших, не принимая их за серьезную силу. Напор войска Хмельницкого был ощутим, вся Польша была в страхе.

Но после этих событий начинает происходить нечто странное с казачьим гетманом. Он подошел ко Львову, но не стал его штурмовать, ограничившись требованием денег, вошел в собственно Польшу и почти месяц до глубокой осени стоял без движения под городком Замостье. Исследователи задаются вопросом, почему Богдан не развивал успех, почему не двигался на Варшаву, которая была беспомощна, а в условиях бескорольевья тем более не способна к серьезному противостоянию? В это время Богдан мог получить от Польши все, что только пожелал бы. Но он не использовал этот исторический шанс. Почему?

Ответов, как и на всякий сложный вопрос, будет несколько. Если Богдан Хмельницкий мог продиктовать Польше условия с позиции силы, но не сделал этого, то либо не сумел оценить свои реальные возможности, либо в силу недостаточности масштаба личности не смог подняться над текущим моментом и увидеть исторический шанс, перспективы. А может, он и не хотел ничего диктовать Польше с позиции силы? На эту мысль наводит интересный исторический факт, который приводит историк С. М. Соловьев: «Хмельницкий писал королю, что никогда, от колыбели до седины, не замыслил мятежа против него, что не из гордости, но, вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, прибегнул он к ногам великого хана крымского, чтоб при его содействии возратить милость и благосклонность королевскую» [Соловьев 2001: 726].

Получается, весь побудительный мотив — вернуть королевскую милость. Как видим, жидковатая была закваска для роли лидера народно-освободительного движения. Таковым его сделали обстоятельства, на эту роль его вынес девятый вал

массового общенародного протеста. Он не был рожден вождем и не стал таковым прежде всего потому, что вождь — это выразитель идеи, своей или рожденной массами, но им понятой и поднятой в качестве знамени движения. У Богдана такой идеи не было. Он волей случая и обстоятельств возглавил общий протест казаков, крестьян, представителей городских низов, у которых были разные цели и интересы. Отсутствием идеи, которая формирует цель, в значительной степени объясняются последующие политические шараханья Хмельницкого.

Вернемся к его почти месячному стоянию под Замостьем. Там он ждал результатов выборов короля. И когда это произошло, когда он получил от избранного королем Яна Казимира приказ прекратить войну, тут же подчинился, вернулся в Киев, ожидая новых предписаний польского властелина. В 1649 г., когда Богдан находился в Киеве, а затем в Переяславле, к нему чередой приезжали представители соседних государств, предлагая дружбу и союз против кого-либо. Таков был вес казачьего восстания. Хмельницкий фактически одновременно вел переговоры с Турцией, Россией и Польшей.

Посольские визиты, а также сопутствовавшие им застолья, надо признать, вскружили украинскому гетману голову. «Успехи Богдана превзошли его помышления: он вовсе не думал разрывать с Речью Посполитой, хотел только припугнуть зазнавшихся панов, а тут после трех побед почти вся Малороссия очутилась в его руках. Он сам признавался, что ему удалось сделать то, о чем он и не помышлял. У него начала кружиться голова, особенно за обедом. Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу с великим князем Богданом во главе; он называл себя “единовладным самодержцем русским”, грозил всех ляхов перевернуть вверх ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д.» [Ключевский 2003: 47].

Однако удача начала отворачиваться от Хмельницкого. В августе 1649 г. состоялось знаменитое сражение под Зборовом. Оно знаменито тем, что в критический момент битвы, когда окруженному казаками Хмельницкого и отрядами крымского хана Ислам-Гирея польскому королевскому войску грозило полное уничтожение, из боя вышли... татарские войска. Польская сторона предложила хану лучшие условия.

Между поляками и казаками был заключен мир, который возвращал казакам прежние вольности, увеличивал число реестровых казаков до 40 тысяч, для их расселения выделялись три области — Черниговская, Киевская и Брацлавская. По сути, казаки Богдана Хмельницкого получили автономию в рамках Польского государства. В ноябре 1649 г. польский сейм утвердил Зборовский договор. Для большинства казаков и самого Богдана это явилось свершением желаний.

Недовольным осталось одно сословие, игравшее исключительно важную роль в украинском мятеже, — крестьяне, которым, кроме вошедших в казачий реестровый список, было велено вернуться к своим польским господам, от невыносимой жизни у которых они и поднялись на мятеж. Крестьяне снова взбунтовались, и Хмельницкому пришлось посылать казачьи полки на подавление восстаний вчерашних соратников. Это, в свою очередь, вызвало резкий протест в Сечи, Хмельницкого назвали предателем и сместили с гетманства. Но он сумел с помощью верных полков подавить теперь уже казачий мятеж, казнил зачинщиков и силой восстановил свои права.

Хмельницкий видит необходимость укрепления своей власти и уже через полгода, в апреле 1650 г., обращается к турецкому султану с просьбой принять его под свою защиту. Следствием таких внешнеполитических инициатив гетмана уже в июне стала очередная война казаков и поляков. В июне 1651 г. произошло знаменитое сражение у села Берестечко. Знаменито оно опять прежде всего тем, что союзники казаков татары не вступили в бой. Из-за такого беспримерного предательства татар исход битвы был предрешен.

По итогам этого этапа военного конфликта сентябре 1651 г. был заключен Белоцерковский мирный договор. Он подтверждал автономию казаков, но число реестра уменьшалось наполовину — до 20 тысяч, казачьей территорией становилась только одна область — Киевская. Однако польский сейм в январе 1652 г. и этот договор не утвердил, что объяснялось очень просто: Польша укреплялась, движение Богдана Хмельницкого ослабевало. Паны возвращались на свои земли, крестьяне продолжали бунтовать. Одновременно увеличилось число переселенцев в пределы Московского царства, переходили целыми полками и селами. Казаки Хмельницкого и Украина оставались в одиночестве, терзаемые и поляками, и крымскими татарами. В такой ситуации московское правительство уже не могло оставаться зрителем событий, происходивших в соседней стране.

Земский собор, который 1 октября 1653 г. в третий раз собрался для обсуждения украинской проблемы, решил: «...чтобы не допустить их отдаться в подданство турецкому султану или крымскому хану, следует принять гетмана Богдана Хмельницкого, со всем войском запорожским, со всеми городами и землями, под высокую государеву руку» [Костомаров 1994: 49].

А в январе 1654 г. гетман Богдан Хмельницкий на казачьей генеральной раде, получившей название Переяславской, говорил: «Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтоб вы избрали из четырех государей себе государя... Турецкий царь басурман, и сами знаете, какое утеснение терпят братия наша христиане от неверных. Крымский хан тоже басурман. Мы по нужде свели было с ним дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жида и собаку лучше нашего брата-христианина. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия: мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царской милостью. Возлюбим его с усердием» [Костомаров 1994: 50].

Далее были зачитаны условия договора, по которому вся украинская казацкая земля в границах Полтавской, Киевской, Черниговской, большей части Волынской и Подольской областей под именем Малой России присоединялась к Московскому государству.

Наступил самый торжественный акт приведения казаков к присяге в Переяславском соборе, когда вдруг «в этот момент неожиданно для всех гетман Хмельницкий вмешался с требованием, чтобы Бутурлин и его помощники первыми поклялись именем царя Алексея, что он никогда не предаст казаков полякам, не нарушит их свобод, подтвердит права на земельные угодья украинской шляхты, казаков и горожан...» [Вернадский 2017: 256]. Надо отметить, Бутурлин отреагировал достойно, сказав, что царь никогда не давал клятв своим подчиненным. Хмельницкий прервал процесс и вышел со старшинами из церкви на совет. Дважды совещались гетман, старшины и полковники. Кончилось дело все же тем, что гетман и его окружение поклялись в верности царю без каких-либо условий.

Еще более удивительная история произошла, когда московская делегация приехала в Киев. Митрополит Сильвестр до сих пор не высказался ни письменно, ни устно в поддержку идеи вхождения Малороссии в состав России, хотя Богдан, как известно, просил об этом Москву на протяжении долгих шести лет. Не удивительно, что на принесение присяги русскому царю пришел весь Киев, и казаки, и горожане, не было только людей, находившихся в подчинении у Сильвестра. Лишь через несколько

дней, когда ситуация грозила обернуться большим скандалом, подчиненные митрополиту люди все же принесли присягу царю.

И снова возникает некоторое недоумение. Гетман Хмельницкий на протяжении шести лет просил русского царя принять казаков под высокую царскую руку для спасения православной веры, которую губила католическая Польша. Русское государство принимало в свой состав Украину в том числе и ради спасения веры, а высшее должностное лицо православной церкви на Украине – митрополит Киевский фактически был против. Как объяснить столь разное отношение к идее присоединения к России у рядовых казаков и крестьян и аристократии как светской, так и духовной?

Анализ отношений главы Киевской митрополии и Константинопольского патриарха позволяет делать вывод, что в тот исторический момент митрополита Сильвестра больше благополучия прихожан и веры заботило собственное благополучие. Киевский митрополит, находясь в составе Польши, подчинялся напрямую Константинопольскому патриарху, а учитывая бедность и приниженное положение последнего в Османской империи, чувствовал себя абсолютно независимым. Вхождение Украины в состав Российского государства грозило изменить и положение киевского митрополита, который подпадал в зависимое положение от патриарха Московского и всея Руси.

Вот та принципиальная причина, по которой киевский митрополит Сильвестр и некоторые другие высшие иерархи украинской греко-православной церкви не только не поддерживали идею вхождения Украины в состав России, но и как могли противодействовали этому. Многим ли отличаются меркантильные требования гетмана Хмельницкого и его старшин закрепить за ними земельные наделы от желаний высших духовных лиц Украины? Вопросы ли веры и воссоединения единого, но разделенного некогда народа были у них тогда на первом месте?

Если украинский народ — казаки, крестьяне видели в московском царе прежде всего своего защитника от польского религиозного и национального гнета, то «иначе воспринимала объединение с Москвой старшинская аристократия. Она согласилась принять царское покровительство, чтобы избежать полного поражения от поляков, но не считала объединение чем-то окончательным и не воспринимала свою клятву царю всерьез. Для нее это был политический маневр, обеспечивший временную передышку» [Вернадский 2017: 266].

Другими словами, опасаясь окончательного подчинения Польше на еще более унижительных условиях, убедившись в ненадежности союза с крымским ханом, казацкая старшина, зная настроения народных масс, предприняла попытку использовать Россию как временное укрытие от разбушевавшейся стихии.

Такая позиция, суть которой сводится к распространенной в Малороссии формуле «перехитрить всех», была характерна в большей или меньшей степени для всех украинских гетманов, начиная с Богдана Хмельницкого и заканчивая Мазепой. Об этом много и откровенно пишут современные украинские авторы. В качестве примера приведем выдержки из одной лишь монографии: «Подписывая договор, каждая из сторон — Украина и Московия — вкладывали в него свой смысл: московская считала его узаконенной формой зависимости Украины, украинская — признавая верховенство Московии, надеялась сохранить в новых условиях максимальную автономию, даже на грани независимости... Можно утверждать, что Б. Хмельницкий предполагал придерживаться условий Переяславского договора только до той поры, пока они отвечали жизненным интересам Украины... Понятно, что свои идеи он припрятывал перед московским правительством под разными словесными вариациями...» (пер. авт.) [Еволюція українсько-російських відносин 2006: 30–31].

В приведенных выше высказываниях украинских авторов, конечно же, со всей очевидностью прослеживается современная политизированность вопросов русско-украинских отношений. Прежде всего обращают на себя внимание такие послылы: «сохранить максимальную автономию», «возродить древнеукраинскую государственность». Как можно было стремиться сохранить или возродить то, чего ни на момент описываемых событий, ни тем более в древние времена не было и в помине.

Собственно, и сам Богдан Хмельницкий, обращаясь к казакам на Переяславской раде, говорил о необходимости избрать себе государя из четырех возможных государей... Понятно, что независимое государство не избирает себе чужого государя. Его избирает лишь тот народ, который сам не может обеспечить свою независимость и потому ищет защиты на стороне. Таковы были логика намерений и логика обстоятельств в действиях Богдана Хмельницкого. При этом логика обстоятельств, за которой стоял простой народ, оказалось сильнее логики намерений гетмана и казачьей старшины. На Переяславской раде было принято решение вернуться в лоно некогда единого русского государства, а у московского царя появилось законное право считать присоединенные земли зависимыми, своими, о которых он теперь должен заботиться.

Спустя 365 лет со времени Переяславской рады современные украинские гетманы и старшины насильно вырывают древнерусские территории из единого русского мира, делят церковь, сознательно уничтожая вековое духовное родство двух братских народов.

Библиографический список

- Вернадский Г.* Московское царство. М.: Ломоносовъ. 2017. 456 с.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полн. курс лекц.: в 2 кн. Кн. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 800 с.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х кн. Кн. 2: Вып. 5, 6, 7. М.: СВАРОГ, 1994. 816 с.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 1613–1657. Кн. V. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 928 с.
- Еволюція українсько-російських відносин у другій половині XVII ст.* / В. Й. Борисенко, А. Г. Бульвінської, С. О. Візер. К.: Старий світ; Вид. Т. Мосієнко, 2006. 256 с.